

КОНФЛИКТЫ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ: ТЕНДЕНЦИИ И ИГРОКИ*

© 2017

И. Д. ЗВЯГЕЛЬСКАЯ

Институт востоковедения РАН

Современные конфликты на Ближнем Востоке приобретают новые формы. На смену межгосударственным конфликтам периода “холодной войны” пришло поколение конфликтов, развивающихся внутри государств чаще всего на конфессиональной, этнической или племенной основе, а также волна социальных выступлений эпохи “арабской весны”, в конечном итоге тоже реализовавшаяся в ряде государств в рамках традиционных идентичностей. Все больше возрастает роль негосударственных акторов — ополчений, отдельных организаций, включая террористические, военизированных групп и полевых командиров. Современные конфликты не замыкаются в границах отдельных государств. Возникающие в их контексте трансграничные угрозы, высокая плотность вовлеченности региональных и внерегиональных игроков обуславливают существенное воздействие ближневосточных очагов напряженности на всю систему международных отношений, испытывающую трудность перехода к формированию нового баланса сил.

Ключевые слова: конфликты, игроки, идентичность, межконфессиональные, племенные, этнические противоречия, региональные и глобальные державы, новые альянсы, проблемы урегулирования.

CONFLICTS IN THE MIDDLE EAST: TRENDS AND ACTORS

Irina ZVYAGELSKAYA

Institute of Oriental Studies, Moscow

The conflicts in the Middle East have been acquiring new dimensions. The interstate conflicts of the Cold war period were followed by a new generation of predominantly interstate conflicts developing on sectarian, ethnic or tribal basis. Social protests of the Arab Spring also accentuated the relevance of traditional identities. The role of non-state actors has been on the rise: militias, warlords, terrorist groups are now active participants of almost every conflict. Contemporary conflicts are not confined within the borders of individual states. A direct involvement of regional and global players in the Middle East conflicts have contributed to a serious impact the local crises are exerting upon the entire system of international relations that in its turn has been experiencing difficult and painful transition to a new international order.

Keywords: conflicts, players, identities, sectarian, tribal and ethnic controversies, regional and global powers, new alliances, problems of conflict settlement.

Формирование нового мирового порядка в условиях частичного сохранения традиционных подходов и представлений о соотношении сил в современных международных отношениях оказало существенное воздействие на форму и содержание конфликтов, разворачивающихся на Ближнем Востоке. “Констатируя размытость параметров современной системы с точки зрения традиционных представлений о глобальном порядке, — писал академик А.В. Торкунов, — можно обозначить одну константу, которая становится все более доминирующей. Речь идет о поистине драматической взаимозависимости и взаимообусловленности стран, международных процессов, экономики и политики. Плотность

ЗВЯГЕЛЬСКАЯ Ирина Доновна — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, профессор МГИМО(У).

Irina ZVYAGELSKAYA — PhD in History, Professor, Chief Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences; Professor at the Moscow State Institute of International Relations (University).

* Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ 17-18-01614 “Проблемы и перспективы международно-политической трансформации Ближнего Востока в условиях региональных и глобальных угроз”.

современного мира превратила его в столь многоаспектную модель, просчитать которую становится все труднее” [*Независимая газета*, 24.10.14].

Ближневосточные конфликты представляют именно такую многофакторную модель, которая по сравнению с биполярной структурой в принципе обладает большей неопределенностью и непредсказуемостью. Как известно, советско-американские отношения периода “холодной войны” отличались напряженностью и неоднократно достигали политического кризиса (достаточно вспомнить Карибский кризис 1962 г. или кризис, возникший после ввода советских войск в Афганистан в 1979 г.). Вместе с тем ни одна из держав не могла позволить себе слишком “резких движений” в условиях ядерного паритета. Даже намеки на возможность втягивания в региональный конфликт за счет активности местных союзников заставляли немедленно останавливаться, как это случилось во время октябрьской войны 1973 г. на Ближнем Востоке.

Вовлеченность в конфликтную ситуацию великих держав на стороне своих местных союзников, как правило, не способствовала урегулированию конфликтов, придавала им затяжной характер. Высокий уровень взаимного недоверия препятствовал адекватному восприятию ими выдвигавшихся друг другом планов урегулирования — из-за опасений, что их реализация принесет противоположной стороне односторонние преимущества. Хотя державы и обладали существенными рычагами воздействия на своих региональных союзников, зависевших от поставок оружия, политической поддержки и экономической помощи, тем не менее непосредственные участники конфликтов вовсе не являлись послушными марионетками. У них всегда были свои интересы, не обязательно совпадавшие с интересами США или СССР. Они нередко пытались втянуть великие державы в собственную игру, побуждая занимать жесткие позиции в Совете Безопасности ООН, требуя дополнительной помощи и предоставления самых современных видов вооружений.

При этом двухполюсная структура международных отношений обладала большей устойчивостью. Существовали неписанные правила поведения, призванные не допустить эскалации конфликта до уровня прямого советско-американского столкновения. Что касается структуры конфликтов, то наиболее распространенным типом конфликтов после Второй мировой войны стали межгосударственные конфликты в зоне национально-освободительных движений — в Азии, Африке, Латинской Америке. В этих конфликтах нередко имела межэтническая и/или межконфессиональная составляющая, которая придавала им особую остроту. Достаточно вспомнить индо-пакистанский или арабо-израильский конфликты. Одновременно имели место и внутригосударственные конфликты, например вызванный гражданской войной Ливанский конфликт, который оказался включенным в общую ткань арабо-израильской конфронтации.

Внешние и внутренние факторы. Постепенно стали уходить на второй план межгосударственные конфликты, которые были частью глобального противостояния при условном делении на американских и советских “клиентов”. Им на смену на Ближнем Востоке пришло поколение конфликтов, развивающихся внутри государств чаще всего на конфессиональной, этнической или племенной основе, а также волна социальных выступлений эпохи “арабской весны”, в конечном итоге тоже реализовавшаяся в ряде государств в рамках традиционных идентичностей.

Наряду с модернизированными слоями, которые в силу включенности в современное образование и производство вышли за рамки сословных и этноконфессиональных перегородок, в арабском мире сохранялось обширное поле традиционализма, где местные общинные и религиозные идентичности получили новый стимул для развития под влиянием все более обостряющейся социальной несправедливости. Как отмечал Ричард Хаас, американский дипломат и председатель Совета по международным отношениям, “на Ближнем Востоке скорее всего будут существовать наиболее слабые государства, не способные охранять большие части собственной территории, вооруженные и террористические группы,

действующие с все большей активностью, а также гражданские войны и межгосударственные столкновения. Конфессиональная и общинная идентичности будут более мощными, чем национальная. Поддерживаемые огромными природными ресурсами, сильные местные игроки будут продолжать вмешиваться во внутренние дела соседних стран” [Naass].

Нараставшая дестабилизация была также результатом кризиса системы управления, не опирающейся на развитые институты, хотя в наиболее развитых арабских государствах они существовали в рамках гибридной политической системы; блокирования социальных лифтов для молодежи и стремления преобладающей части этой молодежи исключительно к государственной службе, обеспечивающей социальную защищенность и доступ к ресурсам, но где в рамках культуры непотизма места были давно поделены между другими соискателями.

По мнению российского аналитика Д.В. Тренина, “религиозные войны, межэтнические конфликты, вооруженный сепаратизм и иррентентизм охватывают страны и целые регионы. При этом главным источником напряженности становятся межстрановые проблемы” [Тренин, 2015, т. 2, с. 136].

Не вызывает сомнений то, что межстрановые проблемы остаются актуальными на Ближнем Востоке. Острота соперничества между наиболее влиятельными региональными государствами имеет тенденцию к усилению и подталкивает их к вмешательству в дела соседей. Однако в настоящее время именно внутренние противоречия, как своего рода гремучая смесь современности и традиционализма, оказываются причиной нестабильности. Ослабление авторитарной сильной власти и созданных ею институтов, неспособность государства выполнять основные социальные функции, а также сохранять монополию на использование насилия являются на начальных этапах “политической бифуркации” не столько следствием иностранного вмешательства, сколько факторами, обеспечивающими такое вмешательство в дальнейшем.

При этом борьба элит за власть, влияние и доступ к финансовым потокам имеет место в значительно усложнившемся контексте, когда внутренний конфликт находится в центре многоуровневого противостояния. В него активно включены и региональные, и внерегиональные акторы, начиная от государств и заканчивая всеми видами негосударственных образований: ополчением, этническими и конфессиональными общинами, террористическими группировками, племенами и полевыми командирами. Высокая вовлеченность негосударственных акторов делает конфликтную среду более плотной и менее поддающейся попыткам (если они и предпринимаются) вычленив из нее тех, кто может реально представлять противоборствующие стороны и вести от их имени и по их поручению переговоры об урегулировании.

Во фрагментированном пространстве конфликта нарастает общий накал противостояния, к которому подключаются все новые участники, вступающие по конъюнктурным соображениям в неожиданные или весьма рискованные альянсы. Например, поддержка Саудовской Аравией и Катаром террористической организации ИГИЛ, мотивированная их стремлением ослабить сначала шиитов в Ираке, затем сместить режим Асада в Сирии, чтобы остановить расширяющееся региональное влияние Ирана, не означало появление у них нового союзника. Скорее, напротив, суннитские монархии Персидского залива являются для созданного ими “Франкенштейна” неверными, с которыми ДАИШ призывает бороться. Так, бывший лидер организации Абу Умар аль-Багдади как-то заметил: “Правители мусульманских стран являются предателями, неверующим и грешниками, лжецами, лицемерами и преступниками”. К этому он добавил еще в 2007 г., что “борьба с ними более необходима, чем с оккупантами-крестоносцами [Bunzel, 2015, N 19, с. 12]. Таким образом, шиитско-суннитское соперничество на Ближнем Востоке, к которому сейчас привлечено главное внимание внешних сил, сочетается с глубоким и принципиальным расколом в суннитском лагере. В силу того что приоритетом для суннитских монархий является сдерживание Ирана и его

попыток использовать шиитские общины в различных арабских странах, внутрисуннитский конфликт пока не приобрел для них ведущего значения.

Трансформации конфликтов на Ближнем Востоке и в других регионах происходили и ранее. При этом считалось, что главным маркером является их большая подверженность или неподверженность урегулированию. Как писала известный специалист в области исследований проблем мира Элиза Боулдинг, конфликты можно рассматривать как движущиеся во времени к большей или меньшей подверженности урегулированию. Составляющая времени принципиально важна. Со временем меняется социальный контекст, а с ним и природа конфликта [*Intractable Conflicts and their Transformation*, 1989, p. IX].

В настоящее время вопрос об урегулировании конфликтов не снят с повестки дня. Предпринимались усилия по стабилизации положения в Сирии в рамках ООН, российско-американского взаимодействия, в трехстороннем формате, включавшем РФ и региональных игроков – Иран и Турцию. Вновь был поставлен вопрос об урегулировании палестинской проблемы, и СБ ООН в декабре 2016 г. принял резолюцию, которая требовала от Израиля немедленно прекратить всю поселенческую деятельность на палестинских землях [<http://tass.ru/politika/3902987>].

Вместе с тем урегулированию конфликтов на Ближнем Востоке мешает то обстоятельство, что они все чаще рассматриваются региональными и глобальными державами в функциональном плане, как способ решения задач, представляющих тупиковыми вне конфликтного контекста. Например, сирийский конфликт позволил Турции отбросить сирийских курдов (операция “Щит Евфрата”), Израилю – наносить удары по Хезболле, чтобы предотвратить получение ею современного оружия, а суннитским монархиям через своих местных союзников и даже напрямую (война в Йемене) – сдерживать Иран, который, в свою очередь, через сирийский конфликт решал проблему укрепления собственной безопасности и расширения влияния в регионе. Террористическая ДАИШ в условиях конфликтов в Ираке и Сирии смогла закрепиться на территориях и начать создание своего рода квазигосударства. Внесенная ООН в список террористических организаций сирийская Джебхат ан-Нусра поменяла название, формально отмежевавшись от Аль-Каиды, и использовала конфликт для создания нового имиджа – повстанческой организации, борющейся с режимом. В таком качестве ее приемлемость для многих игроков явно возрастает: одно дело помогать террористам, а другое – народным мстителям.

У глобальных держав также имелись собственные интересы, обусловившие их участие в конфликте. Россия, которая ввела свои ВКС в Сирию, стремилась продемонстрировать Западу, что правила игры, навязываемые ей после распада СССР, изменились, и без РФ нельзя решать такие принципиальные вопросы, как борьба с международным терроризмом. Кроме того, для России было важно положить конец насильственной “смене режимов” при участии внешних сил, которая вела к хаосу и разрушению государственности. США стремились обеспечить продолжение процессов “демократизации” через поддержку разношерстной оппозиции, выступающей против Асада, но при этом сократить собственное военное присутствие в странах региона. Общей у вне-региональных держав оставалась борьба с международным терроризмом. Однако на практике задача создания широкой коалиции не только блокировалась нежеланием Запада преодолеть существовавшие с Россией противоречия, но оказалась заложником подходов их ближневосточных партнеров, для которых это вовсе не было приоритетом.

Традиционные идентичности. Перевод конфликта на внутренний уровень не мог не сопровождаться ростом политизации привычных идентичностей. Исследователи уже обращали внимание на роль конфессиональной идентичности как политического феномена. “Именно конфессиональная идентичность, связанная с определенным религиозным течением, оказавшим влияние на культурную традицию конкретной социальной общности, а также на специфику политических институтов и политических систем, оказывается одним из

основных параметров современного политического процесса. Зачастую столкновения между конфессиональными идентичностями в рамках одного религиозного течения (например, между шиитами и суннитами, джадидизмом и салафизмом, между протестантами и католиками) становятся основным маркером политических конфликтов” [Мчедлова, 2012, т. 2, с. 142].

На Ближнем Востоке игнорирование значимости конфессиональной идентичности американскими политиками эпохи Дж. Буша-мл. привело к крайне тяжелым последствиям. Переход власти в Ираке к шиитскому большинству в результате свободных выборов вызвал протест суннитов, а “дебаасизация” и роспуск иракской армии, где на руководящих постах также были представители суннитской общины, считавшейся опорой режима Саддама Хусейна, официально довершили процесс их маргинализации. Результатом стало формирование ДАИШ за счет присоединения к террористам квалифицированных управленцев и офицеров-суннитов.

Если в межгосударственном конфликте, где решения о войне и мире принимает государство, реализация внешнеполитических целей возложена на регулярную армию, а активная вовлеченность гражданского населения в военные действия имеет место в случае непосредственного вражеского вторжения, то во внутреннем конфликте население с самого начала втянуто в противостояние. Разрушая государственные институты, конфликт способствует формированию различных политических, идеологических группировок и одновременно активно задействует традиционные структуры, способные обеспечить не только мобилизацию, но и выживание в условиях военных действий. На поверхность выходят старые фобии и затаенное соперничество, переводя латентные конфликтные ситуации, в которых включенность, по крайней мере, одной конфликтующей стороны была результатом этнических, конфессиональных, религиозных, клановых или племенных различий, в стадию открытого противостояния.

Американский специалист Д. Горовиц, проанализировавший процесс превращения этнических групп в участников конфликта, писал: “Этнический конфликт протекает из общей оценки значимости, которую группы придают групповым различиям и которая затем используется в общественных ритуалах признания или отрицания” [Horowitz, 1985, с. 227]. Это определение можно отнести и к другим традиционным идентичностям и группам солидарности.

Групповая солидарность по принципу происхождения, родства или религиозной принадлежности формально становится синонимом политической солидарности, поскольку борьба ведется за расширение прав, за безопасность, чтобы защитить свое дальнейшее существование в качестве группы или улучшить материальные условия жизни. Традиционные идентичности, однако, определяют куда более высокий уровень сплоченности, чем любая политическая приверженность. Особенно значимой здесь оказывается проблема восприятия тех угроз, которые существуют для сохранения самобытности данной группы и для ее дальнейшего выживания. Например, в Ливии этноплеменной компонент стал одним из важнейших в определении расстановки сил и баланса интересов. По свидетельству Константина Труевцева и Олега Булаева, “значительную роль в развитии ситуации сыграли и продолжают играть арабские кочевые и полукочевые племена, а также этнические группы, наиболее важными из которых являются берберы, туареги и негроидные племена тубу. Арабские кочевые племена в центре, на востоке и на юге страны в ходе гражданской войны выступили разнонаправленно — часть из них поддерживала М. Каддафи, другие выступили на стороне вооруженной оппозиции” [Труевцев, Булаев, 2016, т. 1, N 9, с. 3].

Особенности противостояния на Ближнем Востоке, сильно окрашенные межконфессиональными противоречиями, способствовали тому, что в глазах мусульман российская и американские коалиции стали восприниматься как соответственно прошиитская и просуннитская. На самом деле ситуация была куда более сложной и неоднозначной. США опирались на иракскую армию и спецназ, а при осаде Мосула — и на шиитское ополчение, в то время как Россия в ходе операции в Сирии поддерживала высокий уровень

отношений и с Египтом, и с Иорданией. Главная проблема здесь заключалась в том, что имели место осознанные или неосознанные попытки свести всю сложность конфликта к привычным, понятным и наиболее болезненным для рядового мусульманина противоречиям. При таком упрощенном взгляде, во-первых, легче сориентироваться с поддержкой той стороны, чьи действия выглядят соответствующими имеющимся представлениям, а во-вторых, навязать глобальным партнерам собственную повестку дня, на деле имеющую мало общего с объявленной борьбой с терроризмом.

Создавая в декабре 2015 г. исламскую коалицию, Саудовская Аравия не смогла избежать обвинений в пристрастности и стремлении создать прежде всего суннитское, а не общемусульманское объединение. По мнению обозревателя “Вашингтон Пост” Артура Тейлора, «исключение шиитских государств из альянса, призванного представлять исламский мир, судя по всему, усиливает впечатление, что созданный Саудовской Аравией альянс мотивирован межконфессиональным соперничеством с Ираном, а не терроризмом. Саудовские официальные лица это отрицают. “Это не суннитская коалиция и не шиитская коалиция”, — заявил министр иностранных дел Саудовской Аравии Адель аль-Джубейр на пресс-конференции в Париже. Многие с этим не согласны. (В Ливане правительство было вынуждено дать заверения шиитской военной группировке и политической партии Хезболле, что она не станет целью альянса)» [Taylor, 2015].

Нельзя отрицать, что провозглашение готовности исламского мира сражаться с террористическими группировками, маркирующими себя как исламские, даже в отсутствие реальной координации между входящими в коалицию государствами и при широком разбросе имеющихся у них интересов имеет политическое значение. Но отсутствие реальной координации усилий и общей стратегии делает цели коалиции исключительно декларативными, тем самым снижая эвентуальный позитивный эффект [Zvyagelskaya, 2016].

Обострение межконфессиональных противоречий в современных конфликтах на Ближнем Востоке все чаще приобретает прикладной характер. В конечном итоге оно транслируется в геополитическое противостояние, примером которого является так называемая война по доверенности в Йемене.

Региональные и глобальные центры силы. Укрепление региональных центров силы (Иран, Турция, Саудовская Аравия, Израиль, Египет), которые преследуют собственные цели, не совпадающие с целями их глобальных партнеров, приводит в контексте конфликтов ко все большей размытости понятий союзничества. Можно обратить внимание на сложные отношения между США при администрации Б. Обамы и Израилем, США и Саудовской Аравией, США и Турцией. У России нет союзников на Ближнем Востоке, есть лишь тактические альянсы и сотрудничество, отвечающее требованию момента.

Так, участие Ирана в военных действиях на стороне Асада не снимает имеющихся между Москвой и Тегераном противоречий. Причем они не только касаются Ближнего Востока, но и затрагивают другие регионы, где Иран ведет активную политику. Например, начальник генерального штаба иранских вооруженных сил Моххамед Хусейн Багери заявил в ноябре 2016 г., что Иран с помощью развития своих портов может изменить геополитическое соотношение сил в регионе, “разрушив монополию России на обеспечение связи Центральной Азии с остальным миром”. “Центральноазиатские государства требуют доступа к международным водам через Иран”, — подчеркнул он [<https://www.tasnimnews.com/en/news/2016/11/26/1250918/iran-s-top-general-stresses-deterrent-effects-of-overseas-naval-bases>]. В данном случае обращает на себя внимание не стремление государств Центральной Азии к диверсификации связей, являющееся естественным, а готовность военного руководства Ирана использовать его в целях ограничения влияния РФ.

Хотя Россия помогает сирийскому руководству в борьбе против терроризма и экстремизма за сохранение государственности, сфера принципиальных разногласий между РФ и режимом Асада достаточно велика, и позиция Москвы относительно

необходимости политического урегулирования не всегда встречает поддержку у сирийского руководства, не оставляющего надежд на достижение военной победы.

Региональные игроки нередко “переигрывают” внерегиональные державы, несмотря на их возрастающую вовлеченность в события. Эта военная вовлеченность реализуется во все усложняющемся ближневосточном контексте. Общие цели борьбы с международным терроризмом осуществляются в странах, охваченных внутренними конфликтами (Ирак, Сирия). Различный подход к местным игрокам и попытки этих местных игроков использовать глобальных партнеров в собственных целях нередко привносят во взаимоотношения между ведущими глобальными державами дополнительные трения и соответственно приводят к срыву координации попыток по урегулированию конфликта.

Сирия в этом плане дает примеры как взаимодействия между РФ и США [*Стандартные условия и процедуры...*, 2016], так и провалов совместных договоренностей, а также острых разногласий в связи с военными ударами США по сирийским военным объектам. Негосударственные акторы становятся все более активными участниками современных конфликтов. Являясь продуктом слабости государственных институтов, они в том или ином виде всегда существовали на Ближнем Востоке. Новый элемент — их выход за пределы собственных государств и активная региональная роль. Наиболее яркий пример Хезболлы, которая, имея собственную мощную военную организацию и обеспечивая взаимное сдерживание с Израилем, вышла за рамки Ливана и ведет активные военные действия в Сирии и Ираке. Примером могут быть и многочисленные ополчения, кочующие из одной страны в другую, принимая участие в конфликтах (например, афганские ополченцы в Ираке).

Арабо-израильский конфликт в новом контексте. Изменение ситуации на глобальном и региональном уровне отразилось даже на хрестоматийном и самом затяжном арабо-израильском конфликте. Он изменился и по форме, и по содержанию: эксперты исключают в обозримой перспективе возможность войн между Израилем и арабскими государствами, ранее периодически потрясавших Ближний Восток. Более того, у Израиля и суннитских монархий появился общий противник — Иран, что привело к фактическому смягчению арабо-израильских отношений на уровне взаимодействия элит. Иран не скрывает планы наращивания своего военного присутствия в регионе. Например, он стремится к созданию военно-морских баз в Сирии и Йемене, сдерживающий эффект от появления которых в десятки раз будет более эффективным, чем ядерная мощь [<https://www.tasnimnews.com/en/news/2016/11/26/1250918/iran-s-top-general-stresses-deterrent-effects-of-overseas-naval-bases>]. Естественно, что такое развитие событий не устраивает ни Израиль, ни арабские страны, и так не слишком довольные результатами переговоров по ядерному досье Ирана и его сближением с США. Впрочем, они надеялись, что приход в Белый дом президента Трампа изменит эту картину, и что в известной мере оправдалось.

С учетом меняющегося баланса сил на Ближнем Востоке, формирования общих для наиболее стабильных режимов и государств угроз, а также изменения характера военных действий перед Израилем стоят задачи разработки новой концепции национальной безопасности. “Израильское правительство пока не стало на путь ревизии традиционной концепции, продиктованной существенным снижением военных угроз, и ее адаптации к современным и будущим вызовам” [Dekel, Einav, 2015]. По мнению специалистов из ведущего аналитического центра Израиля, Института национальных стратегических исследований, Уди Декеля и Омера Эйнава, речь идет об “отсутствии экзистенциальной военной угрозы, которую представляла панарабская коалиция регулярных армий...” [Dekel, Einav, 2015].

На место общепарабской коалиции пришли многочисленные негосударственные акторы, появившиеся из глубин религиозного, межэтнического и общинного противостояния в результате ослабления и разрушения национальной государственности. Нейтрализация новых угроз означает для Израиля необходимость перехода

к мультидисциплинарному подходу, в рамках которого военные средства, нацеленные на нанесение ударов высокой точности, должны сочетаться с использованием мягкой силы. Эффективность военного сдерживания, как считают израильские эксперты, не должна портить имидж Израиля в регионе — его должны воспринимать не только как разрушителя (примером чего были военные операции в Ливане и в Газе), но и как державу, нацеленную на региональную кооперацию, помощь и созидание.

Общая для арабских националистов и для Израиля угроза со стороны экстремистов высвечивает возможности для сотрудничества. С точки зрения Израиля, наиболее перспективным для установления отношений и поиска союзников является умеренный националистический тренд. Он далеко не нов, и под ним понимаются как светские республиканские, так и монархические арабские режимы, развивавшиеся в контексте особой ближневосточной культуры. У них нет планов радикального реформирования региона, напротив, они стремятся к стабильности, которая обеспечит их собственное сохранение. Им противостоят, с одной стороны, левые и либералы, представленные слабой и неорганизованной молодежью, а с другой — радикальные исламисты. Последние выступают против привычных границ и существующих режимов, фактически объявляя их нелегитимными.

Для умеренных националистов идущая сейчас борьба является битвой за выживание. Именно это обстоятельство усиливает их готовность к компромиссам, в том числе и возможность сближения с Израилем, поскольку речь идет о разработке эффективных методов отражения угроз. Израильские стратеги полагают, что в сложившихся условиях у Израиля появляется уникальный шанс воспользоваться своими преимуществами в регионе. Израиль доказал, что в войне он эффективно сражается, в отличие от США находится рядом и озабочен не “большой игрой”, а теми же, что и умеренные арабские режимы, вопросами развития. Он продемонстрировал понимание арабских проблем — например, даже разворачивал госпитали на сирийской границе.

Как подчеркивали израильтяне, “Вывод был однозначный — Израиль должен ускорить создание официальных и тайных союзов в трех регионах: в восточном бассейне Средиземного моря, в частности с Грецией и Кипром; с Саудовской Аравией и частью эмиратов; в Северной Африке с Эфиопией, Кенией, Южным Суданом, Угандой” [Минц, Шай, 2014].

Сам арабо-израильский конфликт постепенно вернулся в свое первоначальное состояние, когда главной движущей силой конфронтации была палестинская проблема. Сейчас это преимущественно израильско-палестинский конфликт с рядом решенных периферийных вопросов, но с нерешенной главной проблемой относительно окончательного статуса палестинского образования. Это обстоятельство остается одной из важнейших причин сохранения напряженности в регионе. Как писал израильский исследователь Йосси Альфер, “возможно, эмираты Персидского залива способны помочь Израилу улучшить его отношения с ближайшими арабскими соседями, но этого не произойдет без продвижения на палестинском треке. Уже не удастся завлечь какого-либо арабского лидера установить мир с Израилем, как это было с А. Садатом. В лучшем случае Израиль может надеяться на использование периферии для поддержания прохладных отношений с Египтом и Турцией, а также в какой-то мере для сдерживания Ирана” [Альфер, 2015, с. 158].

“Палестинизация” арабо-израильского конфликта не может быть компенсирована улучшением практических отношений между Израилем и его арабскими соседями. До тех пор, пока палестинская проблема остается сильнейшим раздражителем для арабского общества, конфликт будет влиять на весь комплекс региональных отношений, а также на отношения местных игроков с глобальными державами. Структурно палестино-израильский конфликт полностью вписывается в современные модели противостояния на Ближнем Востоке, где все большую роль играют асимметричные конфликты с сильной этнорелигиозной составляющей.

* * *

В целом конфликты на Ближнем Востоке стали более многофакторными с упором не на конфликт интересов, а на конфликт ценностей, что означает меньшую готовность втянутых в них акторов к рациональным действиям и подходам. Формирование в контексте конфликтов транснациональных угроз и активная вовлеченность региональных и внерегиональных держав свидетельствуют о том, что внутренние конфликтные ситуации, отражающие реально существующие противоречия современных обществ, быстро выходят за страновые рамки и функционально гораздо сильнее воздействуют на всю систему международных отношений, переживающую сложный период выстраивания новых балансов, чем их предшественники эпохи биполярного мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Йосси А. *Одинокая страна. Тайный поиск Израилем союзников в регионе*. Матар: 2015. (иврит). Перевод Ю.И. Костенко [Yossi, Alfer. A Lone Country: Secret Israeli Search for Allies in the Region. MATAR: 2015. Transl. from Hebrew into Russian by Yuri Kostenko].

Минц А., Шай Ш. *Герцлийский форум по выработке концепции безопасности, рекомендации в области политики, март 2014* (иврит). Перевод Ю.И. Костенко [Mintz A., Shai Sh. Herzliya Forum on Security Concept and Political Recommendations. March 2014. Translated from Hebrew into Russian by Yuri Kostenko].

Мchedлова М.М. Религиозная и конфессиональная идентичность в контексте политических изменений современности // *Политическая идентичность и политика идентичности: в 2-х т. Т. 2: Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке* / отв. ред. И.С. Семенов. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012 [Mchedlova M.M. "Chapter 6. Religious and Confessional Identity in the Context of Political Changes of Our Time", in I.S. Semenenko (ed.) *Politicheskaya identichnost' i politika identichnosti*. Vol. 2: *Identichnost' i sotsial'no-politicheskie izmeneniia v XXI veke*. Moscow: Rossiiskaia politicheskaya entsiklopediia (ROSSPEN), 2012].

Стандартные условия и процедуры, необходимые для обеспечения режима прекращения боевых действий [Standard Conditions and Procedures Necessary to Ensure the Cessation of Hostilities]. Retrieved from: http://www.mid.ru/diverse/-/asset_publisher/8bWtTfQKqtaS/content/id/2473652 (access 27.09.16)

Тренин Д.В. Традиционные и новые вызовы безопасности в международных отношениях // *Современная наука о международных отношениях за рубежом*. М.: НП РСМД, 2015, т. 2 [Trenin D.V. "Traditional and New Security Challenges in International Relations, in: *Sovremennaya nauka o mezhdunarodnykh otnosheniakh za rubezhom*. Moscow: RIAC, 2015, vol.2].

Труевцев К., при участии Булаева О. Ливия: распавшееся государство и очаг региональной напряженности // *Оценки и идеи*. М.: Институт востоковедения РАН, Т. 1, № 9, май 2016 [Truevtsev Konstantin, pri uchastii Bulaeva Olega. "Libya: a Broken State and a Hotbed of Regional Tension", in *Otsenki i idei*. Moscow: Institut vostokovedeniia RAN, T. 1, № 9, may 2016].

Bunzel C. From Paper State to Caliphate: The Ideology of the Islamic State. *The Brookings Project on U.S. Relations with the Islamic World. Analytical Paper*. N 19, March 2015.

Dekel Udi, Einav Omer. Revising the National Security Concept: The Need for a Strategy of Multidisciplinary Impact. *INSS Insight No. 733*. Retrieved from: <http://www.inss.org.il/index.aspx?id=4538&articleid=10318> (accessed 16.08.2015).

Intractable Conflicts and their Transformation / Ed. by Louis Kriesberg, Terrell A. Northrup, Stuart J. Thorson. Syracuse, N.Y.: Syracuse University Press, 1989.

Haass R. The Unraveling. How to Respond to a Disordered World // *Foreign Affairs, November–December 2014*. Retrieved from: <http://www.foreignaffairs.com/articles/142202/richard-n-haass/the-unraveling>

Horowitz D.L. *Ethnic Groups in Conflict*. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1985.

Taylor Adam. Saudi Arabia's Islamic Military Alliance Against Terrorism Makes No Sense. Retrieved from: https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2015/12/17/saudi-arabias-islamic-military-alliance-against-terrorism-makes-no-sense/?utm_term=.e83028aa0a8f (accessed 17.12.2015)

Zvyagelskaya I. *The Islamic Coalition: Who Is In It and against Whom?* Retrieved from: http://valdaiclub.com/a/highlights/the-islamic-coalition/?sphrase_id=5992 (accessed on: 13.01.16).